

Интеллигенция и мир. 2025. № 4. С. 42—66.

Intelligentsia and the World. 2025. No. 4. P. 42—66.

Научная статья

УДК 316.343.652(571.6)

EDN <https://elibrary.ru/cnvyyo>

DOI: 10.46725/IW.2025.4.3

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

5.9.1. Русская литература и литература
народов Российской Федерации

**«ПИСАТЬ НЕОБХОДИМО, ЖИТЬ
НЕ НЕОБХОДИМО»: ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТОРЫ
КОНЦА XX — НАЧАЛА XXI В.
НА СТРАНИЦАХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ АВТОРОВ**

Елена Сергеевна Волкова

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока

Дальневосточного отделения РАН, Владивосток, Россия,

elenavolkova1@yandex.ru, SPIN-код: 7769-1793,

<http://orcid.org/0000-0002-6130-0299>

Аннотация. В статье рассматриваются процессы трансформации в литературной сфере Дальнего Востока России в постсоветский период. Основным историческим источником выступают художественные тексты, ряд из них впервые вводится в научный оборот. Этот опыт саморефлексии — о себе, коллегах, читателях, современной литературе — представляет значительный интерес для изучения общественной жизни конца XX — начала XXI в. в антропологическом ключе. Анализ источников показывает, что энтузиазм в писательской среде, порожденный гласностью и обретением свободы слова, вскоре сходит на нет. Федеральная власть самоустраняется от регулирования литературного процесса, государственная система книгоиздания и книгораспространения приходит в упадок, идеологическая цензура по факту заменяется финансовой. Творческие союзы утрачивают централизованное финансирование и, соответственно, свою роль в общественной жизни, шаг за шагом превращаясь в «спящий институт». Авторы художественных произведений свидетельствуют, что в 1990-е гг. происходит девальвация серьезной художественной литературы, широкое распространение

© Волкова Е. С., 2025

получает массовое чтение, питающее животным инстинктам рядового читателя. Общественный статус литератора падает, былые привилегии сходят на нет, писательство из профессии превращается в увлечение для души, что приводит к кризису идентичности. Установлено, что многие авторы болезненно переживали трансформационные процессы в литературной сфере, наряду с адаптационными механизмами в художественных произведениях зафиксированы и деструктивные практики. Тем не менее литература продолжается, она по-прежнему объединяет и вдохновляет людей пишущих; постепенно они приспосабливаются к новым социально-экономическим условиям и, несмотря на сокращение читательской аудитории, сохраняют приверженность литературе как делу своей жизни.

Ключевые слова: Дальний Восток России, 1990-е, 2000-е, постсоветский период, художественная литература, писатели, художественная интеллигенция

Для цитирования: Волкова Е. С. «Писать необходимо, жить не необходимо»: литература и литераторы конца XX — начала XXI в. на страницах художественных произведений дальневосточных авторов // Интеллигенция и мир. 2025. № 4. С. 42—66.

Original article

“IT IS NECESSARY TO WRITE, IT IS NOT NECESSARY TO LIVE”: LITERATURE AND WRITERS OF THE LATE XX — EARLY XXI CENTURIES IN THE FICTION OF THE RUSSIAN FAR EAST

Elena S. Volkova

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, elenavolkova1@yandex.ru, SPIN-код: 7769-1793, <http://orcid.org/0000-0002-6130-0299>

Abstract. The article deals with the processes of transformation in the literary sphere of the Russian Far East in the post-Soviet period. The main historical source consists of literary texts, some of which are being introduced into scholarly discourse for the first time. This experience of self-reflection — about the author of the article, colleagues, readers and modern literature — is of considerable interest for studying public life in the late twentieth and early twenty-first centuries from an anthropological perspective. The sources analysis shows that the enthusiasm in the writing community, generated by glasnost and the acquisition of freedom of speech, soon fades away. The federal government withdrew from the regulation of

the literary process, and the state system of book publishing and distribution declined. Ideological censorship was actually replaced by financial one. Creative unions lost centralized funding and, as a consequence, their role in public life, gradually turning into a “dormant institution”. The authors of literary texts testify that in the 1990s serious fiction was devalued, and mass-produced fiction was widely distributed, indulging the animal instincts of the average reader. The social status of a writer fell, former privileges disappeared, professional writing became a hobby for pleasure, which led to an identity crisis. Many authors were stated to go through the transformational processes in the literary sphere with difficulty; along with adaptive mechanisms, destructive practices were also recorded in fiction. Nevertheless, literature continues to evolve, it still unites and inspires people who write, they gradually adapt to new socio-economic conditions and, despite the shrinking readership, remain committed to literature as their life's work.

Keywords: Russian Far East, 1990s, 2000s, post-Soviet period, fiction, writers, artistic intelligentsia

For citation: Volkova, E. S. (2025), “‘It is necessary to write, it is not necessary to live’: literature and writers of the late XX — early XXI centuries in the fiction of the Russian Far East”, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 4: 42—66 (in Russ.).

Введение

Социальная история постсоветского периода является одним из актуальных направлений научного поиска. Многие процессы, инициированные в период радикальных реформ, внесли важный вклад в формирование облика современного российского общества, и дальневосточный регион, составляющий весомую часть территории страны, в условиях объявленного федеральным центром «поворота на Восток», безусловно, заслуживает пристального внимания. Исследование трансформации литературной сферы под воздействием рыночных реформ, на наш взгляд, важно для изучения не только истории культуры, но — истории пореформенного периода в целом. В советские времена художественная литература играла в общественной жизни, без преувеличения, ведущую роль, и последующие изменения в этой сфере представляют особый интерес.

Начиная с 1990-х гг. рассматриваемые процессы находят отражение в публикациях литературных критиков, а затем и исследователей. Как тематически близкие настоящей статье, отметим работы Л. А. Данилкина [Данилкин, 2009], Н. Б. Ивановой [Иванова, 2022],

Ю. М. Полякова [Поляков, 2004; 2020], а также коллективную монографию «Кризис литературоцентризма. Утрата идентичности vs новые возможности» [Кризис литературоцентризма, 2014], исследующую изменение роли литературы в культурном контексте. Последствия радикальных реформ применительно к дальневосточной литературе рассматривают А. М. Лобычев [Лобычев, 2007], В. Н. Катеринич [Катеринич, 2017; 2019], автор настоящего материала [Волкова, 2023] и др.

В нашей работе основным историческим источником выступают художественные тексты современников, которым суждено было в полной мере испытать на себе действие «ветров перемен». Отметим, что подобное исследование на материалах произведений дальневосточных авторов предпринимается впервые. Художественные тексты являются ценным источником для историка, действующего в русле антропологического подхода и концептуально следующего за Ю. М. Лотманом, А. К. Соколовым, С. О. Шмидтом, поскольку несут в себе «живые черты времени»¹, позволяя воссоздать повседневные структуры, образ мышления, ценностные ориентиры, стиль взаимоотношений, паттерны поведения современников [Шмидт, 2002: 45—46].

Методология и методы исследования

При работе над статьей использованы дискурс-анализ, системно-структурный, сравнительный, социально-психологический методы, исторический синтез.

Отметим также, что для данного исследования методологически важными представляются работы П. Штомпки, автора теории культурной травмы, З. Баумана, препарировавшего индивидуализированное общество, П. Бурдьё, сформулировавшего понятие литературного поля, Л. Г. Ионина, анализировавшего социокультурную трансформацию постсоветского общества. Последний, в частности, констатировал, что в период радикальных реформ ни одна из групп российского социума не сохранила своего статуса, и в полной мере это заключение относится к творческой интеллигенции, «мгновенно утратившей прежние ...привилегии и практически исчезнувшей из фокуса общественного внимания» [Ионин, 2000: 236]. Добавим, что из всей художественной интеллигенции именно

¹ Выражение Н. М. Карамзина.

писателей, на наш взгляд, следует признать группой, пережившей наиболее радикальные перемены. Падать им пришлось с большой высоты — и удар был сильным.

Основная часть

В середине 1980-х, когда повеяли ветры перемен, литераторы в большинстве своем полагали, что основной проблемой, которая тормозит, обедняет, уродует художественный процесс, препятствует его полноценному развитию, является цензура. Свобода творчества рассматривалась как главная цель реформирования культурной сферы. И вскоре, по выражению М. С. Горбачёва, «процесс пошел»: в 1986 г. на XXVII съезде КПСС был взят курс на демократизацию и гласность. Съезд завершился 6 марта, а в апреле в журнале «Огонек» (тиражом 1,5 млн экз.) выходит подборка стихов Н. С. Гумилева — к столетию поэта, расстрелянного по обвинению в антисоветской деятельности. Многие читатели признавались, что эта публикация ознаменовала для них начало новой эпохи в жизни страны². В 1990 г. был принят закон СССР «О печати и других средствах массовой информации», отменяющий цензуру; в 1991 г. ликвидирован Главлит; в 1993 г. право граждан на свободу художественного творчества закреплено в новой российской Конституции (ст. 44).

За несколько лет увидело свет огромное количество ранее запрещенных произведений. Издательства бросились выпускать большими тиражами и так называемую «макулатурную» литературу³. *«На прилавки лавиной хлынули книги»*, — читаем в романе сахалинского прозаика И. Д. Левитес [Левитес, 2009: 185]. В городах появились стихийные книжные рынки, книгами торговали с лотков на тротуарах и площадях, в холлах образовательных, медицинских и прочих учреждений. В эти благословенные для книгоманов времена

² См., напр.: *Чернов А. Ю.* Николай Гумилев в «Огоньке» (1986, № 17). URL: https://nestoriana.wordpress.com/2018/11/24/gumiljov_v_1986/ (дата обращения: 16.01.2025).

³ «Макулатурная» серия была основана в 1974 г. и включала в себя книги, которые не поступали в открытую продажу и официально могли быть приобретены только при условии сдачи макулатуры (20 кг за одну книгу), неофициально — по блату или на черном рынке по завышенной цене (в основном, это были зарубежные детективы, фантастика, исторические романы, а также произведения И. А. Ефремова, И. А. Бунина, М. М. Зощенко, М. А. Булгакова и др.).

героиня Левитес, испытывающая книжный голод, как и многие ее соотечественники, *«подолгу простаивала у развалов, манящих россыпью сокровищ, <...> ухватив добычу, торопливо бежала домой, волнуясь, как на свидание, и, дождавшись позднего вечера, уходила, уносилась, уплывала вслед за чужой вымышленной жизнью»* [Там же: 185—186].

В среде художественной интеллигенции распространяются эйфорические настроения. «...Свобода и гласность были тогда не просто отвлеченными понятиями, которые вызывают сегодня неловкость своим затасканным видом, а самим воздухом, которым дышали и хмелели куда как сильно», — вспоминает владивостокский литературный критик А. М. Лобычев [Лобычев, 2007: 131].

Вскоре выяснилось, что не всё так просто; надежды с каждым годом таяли. Главными посылами, который несли в себе «Основы законодательства РФ о культуре» (1992), стали отказ федеральной власти от регулирования художественного процесса и коммерциализация культурной сферы. Десятилетиями выстраиваемая система книгораспространения разрушалась. Госиздательства выпускали всё меньше художественной литературы, сокращали сотрудников. В повести сахалинского писателя А. С. Тоболяка редактор издательства делится с коллегой наболевшим: *«Мы же нищие сегодня. ... В долгах. На нас давят типографии. Смотри, что выпускаем, чтобы поправить дело! ...Некто Поллак. “Все красавицы по ранжиру”. Сексуально-детективный роман. Дикая пошлятина. Антилитература. А что делать?»* [Тоболяк].

В тот период издательства (как государственные, так и частные) отдавали приоритет отнюдь не современным произведениям местных авторов. В обществе был востребован «запретный плод», который наконец-то стал доступным: диссидентская, эмигрантская литература, произведения на «лагерную тему», западные триллеры и детективы, эротические романы. Такие книги раскупались, как горячие пирожки. Что касается живых, действующих дальневосточных литераторов, для них приметой времени становится *«рукопись, лежащая в столе»* [Соломатов, 2001: 65] — эта тема красной нитью проходит через художественные произведения 1990-х.

«Не то сегодня положение, / Когда б писатель мог сказать: / “Не продается вдохновение, / Но можно рукопись продать”», — пишет приамурский литератор Н. И. Фотьев [Фотьев, 2002: 179]. И далее

поясняет, что в современных условиях для издания пусть даже гениального произведения в подавляющем большинстве случаев нужны «живые» деньги — будь то твои личные сбережения или спонсорские средства. Государство уходит из книжной сферы, теперь писателям никто ничего не должен. В конце столетия типографии начинают использовать электронный набор, технологии совершенствуются, в результате книгоиздание становится более доступным для частного заказчика. Всё чаще в книгах и книжечках с тиражами, как правило, мизерными, появляется строка: *«Издание осуществлено на средства автора»* [Мамонтов, 2014: 33].

Еще один распространенный сюжет 1990—2000-х — поиск спонсоров. Лирический герой А. С. Тоболяка, известный в своем городе литератор, по протекции друга обращается к генеральному директору фирмы «Зевс» (название не случайно: спонсор для литератора является кем-то вроде небожителя). Директор *«долго и с видимым отвращением изучал издательское “прошение” и калькуляцию. Наконец, поднял на нас глаза... / — А книжка-то хоть хорошая?... / Я пожал плечами: что тут скажешь?»* [Тоболяк, 1998: 30].

Мы видим, что процедура встречи с потенциальным спонсором унижительна для писателя, но другого выхода у него нет. *«Искусство делают явлением, фактом своего времени зрители, читатели, слушатели, — пишет приморский автор И. И. Шепета. — ... Без обратной связи, без людей искусство — всего лишь род художественного сектантства. А порой и диагноз одинокого, психически не вполне здорового человека»* [Шепета, 2022: 19].

Герою приамурского прозаика В. А. Куприенко повезло — издание книги спонсировали два его старых друга. Бывший одноклассник литератора, преуспевающий бизнесмен, не может в это поверить: *«Херня всё это. Стал бы я собственные бабки давать на чужую книгу. При всем уважении к тебе, дружок»* [Куприенко, 2008: 87]. Тем не менее спонсорство, особенно в первые постсоветские годы, было достаточно распространено.

Поскольку в 1990-е гг. люди пишущие осознали, что шансы издать свои произведения в новой реальности невелики, широкое распространение на Дальнем Востоке (как и по всей стране) получили литературные клубы, где авторы могли пообщаться и почитать свои опусы

собратьям по перу. В рассказе уроженки Хабаровска Д. М. Асламовой⁴ читаем: *«Литературные группировки в провинции составляются по сходству комплексов и обычно придумывают себе пышные названия. К примеру, “Платиновый век”»*⁵ [Асламова]. С развитием Рунета многие стали публиковать свои произведения во всемирной сети, что в условиях трансформации книгоиздательской отрасли казалось хорошим подспорьем. Но профильные интернет-ресурсы вскоре превращаются в огромный котел, где настоящая литература соседствует с откровенным мусором и выловить что-то стоящее — сложно.

Писательские гонорары постепенно стремятся к нулю: иногда автору выплачивается незначительная сумма, а в большинстве случаев речи о гонорарах вообще не идет (исключение составляют столичные «звезды»). В рассказе В. А. Куприенко однокашники спрашивают литератора, сколько он получил за только что изданную книгу. *«Писатель аж поперхнулся от наглой наивности вопроса: “Какой гонорар, мужики? Вы где живете? ... У нас о гонорарах говорилось и делалось только в пору развитого социализма. А теперь гонорары только в Москве у Дарьи Донцовой...”»* [Куприенко, 2008: 86].

Отсутствие гонораров остро поставило вопрос о средствах к существованию. *«Денег нету»*, — констатирует в «лихие девяностые» лирический герой магаданского поэта А. А. Пчёлкина, между делом упоминая о том, как жена штопает его до дыр протертые носки. *«Что же я за чудь, / к жизни непригодная ничуть — / помесь держака и динозавра?»* — сокрушается поэт [Пчёлкин, 2000: 24, 55]. *«Раньше писатели псарни содержали, а нынешние одну собачонку прокормить не могут... Нынче писателю себя бы прокормить»*, — сочувственно говорит бомж из рассказа хабаровского автора В. А. Русскова [Руссов, 1997: 120—121].

Лирический герой К. А. Партыки уже в 2000-е признаёт: *«... Я больше ничего не хочу в жизни, ни к чему не стремлюсь, кроме работы над своими рукописями. Но, предавшись этому благородному занятию, я скорее всего, подохну с голоду. Попытки пристроить свои произведения в центральные коммерческие издательства окончились*

⁴ Отец «дрянной девчонки» поэт М. Ф. Асламов в 1987—2018 гг. возглавлял Хабаровскую краевую писательскую организацию.

⁵ «Платиновый век» — название литературного клуба, основанного в 1990-е гг. в Хабаровске поэтессой Г. Н. Ключниковой (литературный псевдоним — Галя Ключ).

ничем. Там не желают читать рукописи провинциальных сочинителей с далекого края России. ...Недавно, благодаря писательской организации, вышел мой новый сборник повестей "Аваллон" тиражом... пятьсот экземпляров. Из которых сто причитаются автору... в счёт гонорара. А что тут такого?! Выдавали же в недавнем прошлом зарплату на обувных фабриках сапогами» [Партыка, [2017]].

Персонаж владивостокского прозаика Е. А. Мамонтова испытывает жесткий кризис идентичности, поскольку считает литературу своим призванием, но вместе с тем осознаёт невозможность обеспечить себя и семью писательским трудом и вынужден работать сторожем: *«Я веду тусклую жизнь сторожа, безвестного литератора, мужа, не способного прокормить семью и классически губящего молодость жены. И вот, глядя в зеркало на себя, ... "я имею задать себе один вопрос" — кто я?»* Герой констатирует раздвоение собственной личности, отмечая, что обе «половинки» погрязли во взаимных претензиях, и дает неутешительный прогноз: *«Ближе к старости я, видимо, перейду на его содержание, ибо у сторожа больше шансов заработать себе пенсию, чем у писателя»* [Мамонтов, 2014: 81—82].

Далекie от литературной сферы люди не были осведомлены о произошедших переменах, что порождало анекдотические (с точки зрения причастных) случаи. В повести хабаровского писателя К. А. Партыки в редакцию «толстого» журнала приходит неизвестный юноша с вопросом: *«Если напечатать у вас роман, сколько вы заплатите?»*. Приведем весьма показательный фрагмент полилога (в разговоре участвуют ответственный секретарь журнала («Я»)⁶; юноша, не имеющий опыта литературной работы, но, по собственному признанию, уже дописывающий роман; наконец, поэтесса, заглянувшая в редакцию по своим делам):

⁶ К. А. Партыка в 1994—2000 гг. работал ответственным секретарем литературного журнала «Дальний Восток», который для дальневосточных литераторов играл роль спасательного круга в девяностые, когда шансы опубликовать свои произведения у многих, даже признанных, авторов были крайне низкими. В этот период журнал и сам находился на грани выживания, но общими усилиями литераторов, спонсоров, региональных властей его удалось сохранить. С 1999 г. «Дальний Восток» финансируется из бюджета Хабаровского края [Волкова, 2023: 85].

«Я — юноше: — *Как вам пришла в голову мысль заняться сочинительством?*

Он: — *Видите ли, мне нужны деньги.*

Поэтесса — с сарказмом: — *Шел бы бананами торговать!*

Он — серьезно: — *Пробовал. Не получилось.*

Я: — *А роман, вы полагаете, получится?»* [Партыка, [2017]].

Писательство в постсоветский период теряет статус профессии, фактически (и юридически) превращаясь в хобби⁷, зарабатывать на жизнь приходится на другом поприще. Н. И. Фотьев и В. А. Куприенко в своих произведениях отмечают, что далеко не каждый литератор готов работать на заказ, обслуживая, например, кандидатов в ходе предвыборной кампании [Фотьев, 2002: 134—135] или делая так называемые представительские книги «для богатеньких бурагин». «*Это была изнурительная и унижительная работа. Как правило, таких книг хотели люди недалекие, —* заключает герой Куприенко. — *Хваткие, цепкие в бизнесе, но недалекие в своем интеллектуальном развитии. ... Приглашался писатель. Он слушал и записывал их самовосхваление и делал из этого дерьма конфетку*» [Куприенко, 2008: 89].

Говоря об официальных творческих организациях, отметим, что раскол в Союзе писателей РСФСР на «почвенников» и «либералов» (Союз писателей России (СПР) и Союз российских писателей (СРП) соответственно), как и формирование других союзов, в изобилии расплодившихся в постсоветский период, не получил сколько-нибудь существенного отражения в дальневосточной художественной литературе (по крайней мере, на момент исследования эта тема не обнаружена). Если в тексте заходит речь о творческих организациях, автор порой даже не конкретизирует, о какой из них идет речь. Многие дальневосточные авторы (К. А. Партыка, Е. А. Мамонтов, В. А. Куприенко, И. И. Шепета и др.) отзываются о писательских союзах с иронией, а иногда и с неприкрытым сарказмом. Численность региональных отделений в 1990-е гг. уверенно росла, правила приема упростились. В рассказе В. А. Куприенко местная

⁷ «...В реестре профессий писатели вообще отсутствуют. Нет такой профессии! — с горечью говорит московский писатель Ю. М. Поляков. — Пока не будет принят закон о творческой деятельности, любое объединение литераторов для власти по статусу останется примерно тем же, чем является общество любителей розовых черепашек» [Поляков, 2020: 284].

писательская организация всеми силами затягивает в свои ряды IT-специалиста, руководящего компьютерным центром в солидном банке. Витя что-то там пописывает, а главное — он готов оказывать союзу материальную помощь на регулярной основе. «Корочки» писательской организации дают основание называть себя профессиональным литератором, и вскоре Витя оставляет денежную работу по специальности, намереваясь сделать писательскую карьеру и получить Букеровскую премию. Однако по прошествии года Витя осознаёт, что на новом поприще он не заработал ни копейки, а жена подступает к нему с претензиями (*«Вставай, иди зарабатывать или ищас по тывке сковородкой получишь»*), в итоге незадачливый литератор возвращается в сферу информационных технологий [Там же: 64—65].

В постсоветский период государство перестало рассматривать литературу как идеологическое оружие, а союзы писателей — как идеологический институт. Прекращение централизованного финансирования творческих организаций приводит к тому, что членство в союзе писателей утрачивает экономический смысл, и целый ряд авторов уже не стремятся вступить в какую бы то ни было творческую организацию. *«Друзья! Прекрасен ваш Союз, / Но я туда не тороплюсь!»* — пишет хабаровский поэт М. Г. Петросов [Петросов, 2021].

В. М. Фатеев в своем романе фиксирует еще одну проблему девиантных — нашествие бульварного чтива жуткого качества: прилавки заполонила *«низкопробная литература, ...проповедующая самую темную, скотскую сторону человеческого бытия, рассчитанная на самые низменные инстинкты»* [Фатеев]⁸. В рассказе владивостокского автора В. Н. Вещунова в только что открывшемся книжном магазине героя встречает *«чтиво в шоколадных обертках: “Смерть по высшему разряду”, “Что сказал покойник”, “Покойник в прямом эфире”, “Объятия смерти”, “Месть Бешеного”, “Путана”, “Воровская колода”, “Слово авторитета”, манерные развлекаловки Акунина, каббалы, макиязи, камасутры...”* [Вещунов, 2009: 176]. В романе Ю. С. Рыгхэу, уроженца Чукотки, персонаж, живущий в глубинке, оказавшись

⁸ Пародии на массовую культуру, в частности на эротические романы, можно встретить, например, в постмодернистском тексте А. С. Тоболяка *«Невозможно остановиться»*, жанр которого автор определил как *«легкомысленный роман»* [Литература Сахалина, 2014: 182].

в Анадыре, «по инерции» заходит в знакомый книжный и обнаруживает, что «там обосновался большой парфюмерно-косметический салон... Книгам была отведена всего лишь одна полка. На глянцевых обложках — полуголые девицы, какие-то звероподобные физиономии, лезвия ножей, дула пистолетов, трупы с закатившимися глазами. Таких книг Пестеров в жизни не держал в руках. Хотел было купить, но цены ошеломили» [Рытхэу, 2002: 312].

С середины 1990-х книжный бум пошел на спад, список «запрещёнки» иссяк, рыночные реформы привели к резкому падению доходов широких слоев населения — а если едва хватает денег на продукты, человеку уже не до книг. *«Каждый раз, когда нам удастся выпустить новую книгу, я рассматриваю ее как маленькое чудо, — говорит директор областного издательства в романе магаданского прозаика В. М. Фатеева. — ... Разве не чудо сегодня, без копейки оборотных средств, при общей нищете и инфляции, выпустить хорошую книгу? Последнее время чудеса случаются всё реже и реже, и вины моей здесь нет. Половина издательств России неплатежеспособны. <...> Мы выпускаем книгу и рассчитываем, что она будет куплена. Только тогда мы погасим все расходы, уплатим налоги, получим зарплату и приступим к следующей книге. Но если нашему потенциальному покупателю, простите, жрать нечего, не говоря уж о других насущных потребностях, книгу нашу он не купит»* [Фатеев].

Герой приамурского литератора П. М. Никиткина рассказывает брату, как «прикупил по случаю — почти за бесценок — книжный магазин. Стоял он заброшенный. Торговать книгами сейчас только дурак будет. Заменял книгу “ящик”. Вся информация идет из него. Сейчас книгу издать — нужны большие деньги. Ушли те времена, когда просвещение стоило копейки. Да. А если книга дорогая, то кто ее купит? ... Перепрофилировал магазин в продовольственный. Дело пошло» [Никиткин, 242].

Еще недавно за книгами гонялись, стояли в очередях, «доставали» по блату⁹, а теперь — продают на рынке на развес, читаем

⁹ «...Чтобы купить что-нибудь стоящее, нужно было обладать солидными связями с нужными людьми, имеющими доступ к дефициту, или сдавать тонны макулатуры в обмен на двухтомник “Королевы Марго”, или добиваться благосклонности членов месткома, распределявших блага, в том

в повести сахалинского автора А. А. Сафоновой: *«Вам связочку? Собрание сочинений целиком брать будем или по томику?»* [Сафонова, 2020: 122]. Героиня владивостокского прозаика Т. Ф. Алёшиной сокрушается: на рынке *«толстый том Пастернака не брали и за цену двух батонов хлеба, при социализме дали бы месячную зарплату»* [Алёшина, 2004: 119]. Книги, выброшенные на помойку — еще одна типичная картина, которая нашла отражение в дальневосточной литературе.

Впрочем, встречаются на страницах художественных произведений и люди, подбирающие выброшенные книги — чтобы читать¹⁰ — и по-прежнему берегущие, лелеющие, пополняющие свои домашние библиотеки. *«И что это за дом без книг?»* — недоумевает Нина, героиня И. Д. Левитес. В период рыночных реформ Нина с мужем, некогда успешные научные сотрудники, принимают решение уехать из страны, поскольку близки к отчаянию: *«Отправленные в бессрочный отпуск без содержания, они изворачивались на всяких мыслимых и немыслимых работах»*, а в семье двое детей и бабушка-диабетик. Но однажды ночью Нина просыпается и понимает, что книги с собой за границу взять нельзя, но и оставить невозможно: *«Как их бросить в чужих руках? Многие из бабушкиного дома. И будут они неприкаемыми сиротами скитаться, пока не окончат жизнь где-нибудь на свалке или в печи. Нина представила, как огненные языки лижут старые пожелтевшие страницы, как сворачиваются в трубку переплеты, изгибаясь от жара, как наутро холодную золу выбрасывают в мокрый снег...»* Мысли героини несутся дальше, и вскоре она осознаёт, что невозможно взять с собой и вербу за окном, и скрипучие качели во дворе, и *«друзей, понимающих с полуслова. Русский язык, в конце концов...»* [Левитес, 2009: 381, 387—388]. В итоге Нина остается на Сахалине. И спустя годы, объездив много стран, не жалеет об этом.

Дальневосточные литераторы констатируют: коммерциализация книжной сферы приводит к снижению качества книгоиздания (произведения часто выходят в свет «в авторской редакции»,

числе и книжные, или покупать книги за бешеные деньги у букинистов» [Левитес, 2009: 338].

¹⁰ Так делает, например, бывший ветеринарный фельдшер в рассказе В. А. Русскова, по семейным обстоятельствам оставшийся без жилья и теперь обитающий в подвале и подрабатывающий то дворником, то лифтером [Руссков, 1997: 121].

то есть без редактуры и корректуры) и — обилию графоманской продукции. Н. И. Фотьев сокрушается: *Любой, кто при деньгах, издаст / В обложке новомодной и красивой / Хоть чушь, хоть бред кобылы сивой...*» [Фотьев, 2002: 179].

Е. А. Мамонтов описывает графомана, живущего в трущобах владивостокской Миллионки, который с напором декламирует свои беспомощные вирши, издал на собственные средства *«книжку в бледной обложке, напоминавшей дешевые обои»*, и даже создал дома, в одной из комнат, музей собственного творчества. Лирический герой квалифицирует подобное поведение как *«настоящее безумие»* и спасается бегством. Но это безумие, как выясняется, заразно, и вот уже герой, который по дороге домой намеревался выбросить собственные рассказы, вместо этого сел за стол и, *«внутренне бесясь и насмехаясь над собой, прорывая пером бумагу титульного листа, вывел каллиграфическим почерком ярости: “Избранное”»* [Мамонтов, 2014: 33, 39—40].

По словам А. М. Лобычева, вместе с цензурой исчезли и фильтры, позволяющие отделять качественную литературу от графоманских опусов, литературная критика пришла в упадок, и в результате простому читателю очень сложно стало разобраться в пестром книжном море¹¹. У Н. И. Фотьева читаем:

*На всё съестное нынче, говорят,
Есть документ — сертификат.
Но что касается духовной пищи —
Сей документ нигде не сыщешь* [Фотьев, 2002: 203].

В самом деле, критериев принадлежности к Литературе с большой буквы, к писательскому сообществу, теперь не стало вовсе, и от этого пострадали не только люди пишущие, но и читатели. Героиня И. Д. Левитес, читатель образованный и вдумчивый, с хорошим вкусом, *«несколько раз купилась на броское название, наткнувшись на бездарную пошлость, убогую дилетантскую выскочку, прикинувшуюся книгой, но потом научилась узнавать самозванок»* [Левитес, 2009: 186]. К сожалению, этому научились не все. А когда среди огромного, недифференцированного вала книжной продукции выбираешь наугад,

¹¹ Архив Отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН. Инт. П 03.

риск испытать разочарование очень велик. Это во многом способствовало снижению интереса к художественной литературе в целом.

Другими немаловажными факторами стали развитие телевидения, интернета, индустрии развлечений, лавинообразный рост выпуска аудио- и видеопродукции, компьютерных игр и пр. *«Впрочем, уже и державы, как и читателя, нет...»* — пишет поэт А. И. Кобенков [Кобенков, 2008: 230]. «Самая читающая страна в мире» прекратила свое существование. Исследователи констатируют, что в постсоветский период «традиция работы со сложными текстами (интерпретация которых требует аналитических усилий, времени, внутренней подготовки), составляющая одну из важнейших особенностей отечественной культуры, девальвирует. Автор из пророка, учителя превратился в ремесленника, даже шута, чья задача — развлекать публику» [Кризис литературоцентризма, 2014: 6].

Следствием стало падение престижа писательства; литераторов всё чаще называют «писаками» или «писателишками», а вместо «поэзии» говорят «стишки»... А. А. Пчёлкин в своих произведениях жалеет о былых временах, когда поэт находился в центре общественного внимания. А теперь, увы, *«не издают. / Изданное — тоже не читают. / Счастье, хоть на улицах не бьют, / Да — порой — в музеях выставляют»* [Пчёлкин, 2000: 75]. Для сравнения приведем отрывок из пьесы московского автора Д. А. Данилова, где литератор на вопросы следователя о погибшем коллеге откровенно отвечает: *«... У него одна книга, а у меня три, ну и что? Толку-то от них. Никто всё равно не читает. Возимся в песочнице своей. Так уж, если по-честному»* [Данилов, 2021: 127].

«Кому нужна поэзия моя?» — риторически вопрошал уссурийский литератор В. В. Кузьмин в 1993 г. — *«... И стоит ли сегодня воевать за честь принадлежать литературе?»* [Кузьмин, 1993: 105]. Молодой поэт И. И. Шепета, задавшись подобными вопросами, дал себе отрицательный ответ и вообще перестал писать — пошел торговать китайскими овощами. *«Я разочаровался в литературе и напоминал попа-расстригу, которого заинтересовала жизнь как таковая, со всеми её безобразиями. На поэтов я уже смотрел как на недоделанных мужчин, а не как на одухотворенных жрецов*

светского культа», — признаётся Шепета в автобиографическом рассказе-эссе [Шепета, 2022: 76]¹².

Вожденная свобода творчества уже через несколько лет перестала воодушевлять литераторов. Магаданский поэт А. А. Гарипов саркастически замечает:

*Мы не говорим на языке Эзопа, —
у нас свобода, гласность, демократия.
И мы в форточку можем высунуть жопу
в знак протеста, ну, например, бюрократии* [Гарипов, 2020: 62].

Лирический герой К. А. Партыки в начале нового столетия рассуждает: «*Быть может, смысл не в самом освобождении, а в стремлении к нему? (Ведь безграничная свобода девяностых... не привнесла в литературу почти ничего)*» [Партыка, [2017]]¹³. Вот такая суровая отповедь.

Московский критик Н. Б. Иванова отмечает, что на рубеже веков российская литература скрупулезно «рефлексирует над самой собой. Над своим утраченным статусом, над потерей публики, читателей, над концом литературоцентризма» [Иванова, 2022]. Это высказывание абсолютно справедливо и для дальневосточных авторов. Судя по всему, они даже острее переживали кризисный период — здесь сыграл свою роль региональный фактор. Дальневосточники, в советский период по праву ощущавшие себя хранителями стратегически важных территорий на окраине державы, с началом радикальных реформ почувствовали себя ненужными, брошенными федеральным центром (именно тогда в руководстве страны начались разговоры о сжатии социально-экономического пространства и освоении отдаленных территорий вахтовым методом). По сравнению с другими регионами страны Дальний Восток в 1990-е гг. «просел» гораздо сильнее и стал быстро терять население. Целый ряд дальневосточных литераторов в постсоветский период покидают

¹² Тем не менее в 2006 г. И. И. Шепета издает книгу своих стихов «Суровые стансы» «как знак возвращения в литературу после 15-летнего перерыва» [Шепета, 2011: 58].

¹³ Для сравнения приведем цитату из интервью Ю. М. Полякова от 27.11.1993: «...Мы за эти годы относительной свободы слова не сказали о жизни и сотой части того, что удалось сказать нашим предшественникам в условиях жесточайшего идеологического контроля» [Поляков, 2004: 125].

регион, выезжая на постоянное место жительства — чаще всего — в города европейской части России¹⁴, реже — за границу.

Ненадежность, нестабильность, неопределенность — таковы, по словам З. Баумана, основные характеристики современных социальных условий, порождающих хроническую неуверенность [Бауман, 2005: 194, 201]. И эта новая реальность, безусловно, оказывала травмирующее действие — прежде всего, речь идет о состоявшихся литераторах, сформировавшихся в рамках советской системы, где писательская профессия имела вес. Камчатский прозаик Е. В. Гропянов резюмирует: *«Писатели, толкавшие Россию к распаду, вдруг растерялись и замолчали. Графоманы и сексуальные психопаты заполнили прилавки: везде убивали, грабили, насиловали... Графоманы зажировали. Их скоро стали признавать за писателей. Писатели возмущались, плевались — но у них не было рукописей для рыночного потребления. Писатели умирали...»* (1996 г) [Гропянов, 2022: 161—162]. Т. Ф. Алёшина, в 2010-е рассказывая о своем герое, бодром пожилом литераторе, замечает: *«Сколько его друзей, знакомых, просто “поэтищ” спилось, отравилось паленым алкоголем, просто “неожиданно” умерло в девяностые»* [Алёшина, 2018: 1472]. Д. М. Асламова применительно к хабаровским литераторам в этот период тоже пишет об отчаянии, *«которое лечат водкой, а иногда веревкой, прыжком из окна или пьяной дракой»*, и далее с черной иронией добавляет: *«Самоубийства и трагические случаи — явление столь частое среди творческой интеллигенции Хабаровска, что об этом уже говорят с оттенком небрежности в голосе и тайным смакованием. Похороны поэтов и художников похожи в Хабаровске на дипломатический коктейль, — на них собираются лучшие представители города»* [Асламова]. *«Поэты — они как дети»*, — констатирует И. И. Шепета в одном из своих стихотворений, акцентируя повышенную чувствительность, уязвимость творческой личности [Шепета, 2014: 63].

¹⁴ Если в советское время литераторы, покидая дальневосточный регион, ехали в основном в Москву или Ленинград — за столичной культурной средой, за славой, то миграцию в период радикальных реформ можно рассматривать как бегство из депрессивного региона и одну из практик адаптации к новой реальности (среди пунктов назначения — не только столицы, но также Владимир, Нижний Новгород, Тверь, Приозёрск и пр.).

Но, несмотря на все катаклизмы, дальневосточная литература живет и прирастает новыми произведениями. *«Всё меньше издается книг, всё больше талантов отворачиваются от самих себя и ныряют в лоточничество, в коммерцию, — констатировал в 1994 г. В. М. Тыцких, в то время возглавлявший Приморскую писательскую организацию Союза писателей России, — Но хрупкая, нежная, от всего беззащитно, почти болезненно, зависимая, странная эта штука — поэзия демонстрирует неожиданную крепость, являет враждебную времени и теряющему рассудок человеку поразительную волю постоять за себя»* [Тыцких, 1994: 55].

Владивостокский поэт А. В. Бочинин пишет о своей бытовой неустроенности, неприютности, напрямую связывая их с поэтическим призванием: *«Мне Бог талант не покупившись дал — / И мир житья за это не дает»* [Поэт-изгой...]; далее — *«Грешу стихами. А душа / Под стать помятой миске. / В карманах пусто. Ни гроша. / И паспорт без прописки»* [Бочинин, 1999: 124]; и наконец — *«Я ушел бы на отдых, да что вы!.. Не уходят поэты на пенсию»* [Поэт-изгой...]. Д. М. Асламова констатирует, что целый ряд провинциальных литераторов в «лихие девяностые» едва сводят концы с концами, но бестрепетно несут свой крест: *«Они бросаются в литературу, как в воду с камнем на шею, и потому стихи их полны многочисленных горьких и непонятных намеков на то, какую злую шутку сыграла с ними судьба»*. В своем рассказе Асламова приводит слова хабаровской поэтессы Г. Н. Ключниковой: *«Наказывать такой жизнью, как у меня, нельзя — жестоко. Эту жизнь можно только выбрать. Добровольно»* [Асламова]. А. А. Пчёлкин, тоже не в силах справиться с потребностью писать, философски заключает: *«Поэты, хоть посмертно, а правы»* [Пчёлкин, 2000: 90]. И. И. Шепета выносит в название своей книги знаковую строчку из стихотворения — *«Стихи как оправданье жизни»* [Шепета, 2014].

А. С. Тоболяк приводит диалог лирического героя со своим другом:

— *Да всё равно ведь не издадут! Кому ты нужен!*

— *Пусть не издадут, их дело. А я писал и буду писать. Пока бьётся сердце. До последнего вдоха.*

Мой старинный дружок хохотнул.

— *Типичный клинический случай, — резюмировал он. — <...> В той психушке тебе самое место* [Тоболяк, 1998: 61].

Тем не менее герой продолжает работать над очереднымopusом, стоически формулируя свое кредо: «*Жить не необходимо, писать необходимо*» [Там же: 85]¹⁵. Исследователь В. И. Пинковский заключает, что это верный рецепт: в любую, даже самую что ни на есть «непоэтическую эпоху» следует «так же писать, издавать и читать, браниться, не питая надежды на скорые радостные перемены, но и не пропускать мимо удачной строчки, полустрочки, хорошего слова, – создавать движение» [Пинковский, 2020: 179].

Заключение

Подводя итог, отметим, что путь от больших надежд к глубокому разочарованию (а для кого-то — и отчаянию) был пройден дальневосточными литераторами очень быстро. Реактивная трансформация повседневных структур, инициированная распадом СССР и радикальными реформами, выступила травмирующим фактором для миллионов россиян, а тонкая душевная организация, присущая людям творческим (в особой степени — поэтам), усиливала травмирующий эффект.

Государство уходило из книжной сферы, книгоиздание и книгораспространение становились делом частным, региональные госиздательства мельчали и закрывались одно за другим. По сути, на смену идеологической цензуре пришла финансовая. Опубликовать свои произведения литераторам становилось всё сложнее, часто в издание книг приходилось вкладывать собственные средства или привлекать спонсоров. Вожденный ветер перемен превратился в разрушительный ураган. После непродолжительного книжного бума тиражи упали, качество книгоиздания снизилось, серьезная художественная литература утонула в море читива, потакающего неприязательным вкусам массового читателя. Гонорары становились всё скромнее, а во многих случаях не выплачивались вовсе. Членство в союзе писателей уже не являлось признаком профессионализма и не обеспечивало стабильный заработок, критерии качества стерлись. Как следствие — писательство перестало быть престижным, утратило статус полноценной профессии, перейдя в разряд хобби с негарантированным доходом. Все эти процессы в лихие девяностые вынуждают литераторов в буквальном смысле слова

¹⁵ Здесь очевидна отсылка к латинскому изречению: «Плывать по морю необходимо, жить не так уж необходимо».

бороться за выживание и порождают кризис идентичности, который у дальневосточных авторов осложнялся региональным фактором. Анализ художественных текстов показывает, что восприятие перемен для многих было болезненным, особенно это касается тех, кто имел опыт работы в рамках советской системы. Отметим, что информация, извлеченная из литературных произведений, в целом согласуется с данными других источников.

В начале нового столетия острый кризис сменяется затяжным, литераторы шаг за шагом адаптируются к новым реалиям. Публикация художественных произведений в интернете упрощает доступ к читателю, бумажная книга постепенно приобретает цивилизованный вид, ряд авторов, поставивших свою писательскую деятельность на паузу, возвращаются к ней. А главное — литература продолжается, она находит заинтересованного и вдумчивого читателя (пусть и не столь многочисленного, как раньше) и по-прежнему выступает существенным признаком, объединяющим людей пишущих¹⁶. Писательская деятельность, по словам П. Бурдьё, дает человеку специфическую, чисто символическую власть «пролить свет, сделать эксплицитным, объективированным опыт, в большей или меньшей степени спутанный, неясный, не сформулированный и даже не формулируемый, о природном и социальном мире и тем самым *заставить его существовать*» [Бурдьё, 1994: 217]. Иными словами, писательство позволяет человеку почувствовать себя создателем, придает жизни смысл, именно поэтому в современном мире, несмотря на все трансформации и катаклизмы, оно для многих остается притягательным и желанным.

Список источников

- Алёшина Т. Ф. Несекретная жизнь. Владивосток: Роза ветров, 2004. 120 с.
Алёшина Т. Ф. Девушка. Море. Эренбург. Владивосток: Роза ветров, 2018. 164 с.
Асламова Д. М. В любви, как на войне. URL: <https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/139125-darya-aslamova-v-lyubvi-kak-na-voyne.html> (дата обращения: 05.02.2025).
Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005. 390 с.

¹⁶ Литературное сообщество тяготеет, скорее, к геттоизации, стремясь к обособлению от внешнего мира и мало с ним общаясь [Ионин, 2014: 15, 22—23].

- Бочинин А. В.* Из ничего Бог создал пустоту... // Дальний Восток. 1999. № 9—10. С. 124.
- Бурдье П.* Начала / пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1994. 288 с.
- Вещунов В. Н.* Встреча с жизнью: повести и рассказы. Владивосток: Дюма, 2009. 269 с.
- Волкова Е. С.* Хабаровское отделение Союза писателей России в период рыночных реформ 1990-х годов (по материалам ГАХК) // Известия Восточного института. 2023. № 4. С. 79—90.
- Гарипов А. А.* Небесное коромысло. Магадан: Охотник, 2020. 195 с.
- Гропянов Е. В.* Разные разности. Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2022. 244 с.
- Данилкин Л. А.* Нумерация с хвоста. Путеводитель по русской литературе М.: АСТ: Астрель, 2009. 285 с.
- Данилов Д. А.* «Человек из Подольска» и другие пьесы. М.: Городец, 2021. 264 с.
- Иванова Н. Б.* Когда погребают эпоху // Знамя. 2022. № 4. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2022/4/kogda-pogrebayut-epochu.html> (дата обращения: 28.01.2025).
- Ионин Л. Г.* Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М.: Логос, 2000. 432 с.
- Ионин Л. Г.* Парад меньшинств. М.; СПб.: Центр гуманитар. инициатив; Гнозис, 2014. 176 с.
- Катеринич В. Н.* К 70-летию поэта Виктора Еращенко // Дальний Восток. 2017. № 2. С. 127—129.
- Катеринич В. Н.* Двойной портрет: к юбилеям М. Ф. Асламова и Л. И. Миланич // Дальний Восток. 2019. № 5. С. 142—148.
- Кобенков А. И.* Однажды досказать...: последние стихотворения / сост. С. Захарян, Г. Сапронов. Иркутск: Сапронов; Владивосток: Рубеж, 2008. 447 с.
- Кризис литературоцентризма. Утрата идентичности vs новые возможности / отв. ред. Н. В. Ковтун. М.: Флинта: Наука, 2014. 576 с.
- Кузьмин В.* Якорь // Дальний Восток. 1993. № 6. С. 105.
- Куприенко В. А.* Рагу из мухоморов: с миру по строчке. Благовещенск: [Б. и.], 2008. 160 с.
- Левитес И. Д.* Переходный возраст: избранное. Южно-Сахалинск: Сахалин. кн. изд-во, 2009. 393 с.
- Литература Сахалина и Курильских островов / отв. ред. Е. А. Иконникова. Южно-Сахалинск: Сахалин. гос. ун-т, 2014. 257 с.
- Лобычев А. М.* На краю русской речи: Статьи, рецензии, эссе. Владивосток: Рубеж, 2007. 336 с.

- Мамонтов Е. А. Безумный милиционер & the early years. Владивосток: Niding.publ.UnLTd., 2014. 84 с.
- Никиткин П. М. Русский берег: роман. 2-е изд. Благовещенск: [Б. и.], 2015. 255 с.
- Партыка К. А. Записки рокера в погонах [2017]. URL: <http://www.proza.ru/2017/12/28/287> (дата обращения: 05.02.2025).
- Петросов М. Г. Членам СП [2021]. URL: <https://stihi.ru/2021/06/05/4684?ysclid=m64qzhcjc2726625828> (дата обращения: 20.01.2025).
- Поэт-изгой Анатолий Бочинин // Для тебя. Христианская газета. URL: <http://www.foru.ru/slovo.10054.1.html> (дата обращения: 15.01.2025).
- Пинковский В. И. Предисловие к книге «Небо ноября» // А. А. Гарипов. Небесное коромысло. Магадан: Охотник, 2020. С. 178—179.
- Поляков Ю. М. Апофегей российского масштаба: Интервью разных лет. М.: РОСМЭН-ПРЕСС, 2004. 540 с.
- Поляков Ю. М. Зачем вы, мастера культуры? О русской литературе и искусстве. М.: Книжный мир, 2020. 544 с.
- Пчёлкин А. А. Непогодь: стихи перестроенных лет. Магадан: Магадан. обл. типограф., 2000. 94 с.
- Сафонова А. А. Хорошая девочка. Южно-Сахалинск: ИРОСО, 2020. 228 с.
- Соломатов В. И. Избранное. Биробиджан: Приз, 2001. 145 с.
- Руссков В. А. Святое дело // Дальний Восток. 1997. № 8—9. С. 120—121.
- Рытхэу Ю. С. Чукотский анекдот. СПб.: Звезда, 2002. 352 с.
- Тоболяк А. С. Денежная история. URL: <https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/387668-anatoliy-tobolyak-denezhnaya-istoriya.html#book> (дата обращения: 16.10.2024).
- Тоболяк А. С. Во все тяжкие... // Дальний Восток. 1998. № 2. С. 13—95.
- Тыцких В. М. Голоса молодых // Дальний Восток. 1994. № 11. С. 55.
- Фатеев В. М. Город в законе. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=281728&r=22> (дата обращения: 16.12.2024).
- Фотьев Н. И. Мой путь: лирика, стихи для детей, басни, сатирические стихи и миниатюры, узелки. Благовещенск: Дальневосточ. гос. ун-т, 2002. 215 с.
- Шепета И. И. Образ действия — обстоятельства. Владивосток: Валентин, 2011. 92 с.
- Шепета И. И. Стихи как оправдание жизни: избранные стихотворения. Владивосток: Изд-во Ивана Шепеты, 2014. Кн. 6. 69 с.
- Шепета И. И. Иван Иванович: рассказы, эссе, публицистика, воспоминания друзей. Владивосток: Изд-во Ивана Шепеты, 2022. 163 с.
- Шмидт С. О. Памятники художественной литературы как источник исторических знаний // Отечественная история. 2002. № 1. С. 40—49.

References

- Aleshina, T. F. (2004), *Nesekretnaia zhizn'* [A Non-Secret Life], Roza vetrov, Vladivostok, Russia.
- Aleshina, T. F. (2018), *Devushka, More, Erenburg* [A Girl, The Sea, Erenburg], Roza vetrov, Vladivostok, Russia.
- Aslamova, D. M., '*In Love as in War*', available at: <https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/139125-darya-aslamova-v-lyubvikak-na-voyne.html> (Accessed 5 February 2025).
- Bauman, Z. (2005), *Individualizirovannoe obshchestvo* [Individualized society], Translated by Inozemtsev, V. L., Logos, Moscow, Russia.
- Bochinin, A. V. (1999), 'From Nothing, God Created Emptiness...', *Dal'nii Vostok* [Far East], no. 9—10: 124.
- Bourdieu, P. (1994), *Nachala* [Beginnings], Translated by Shmatko, N. A., Socio-Logos, Moscow, Russia.
- Danilkin, L. A., (2009), *Numeratsiia s khvosta, Putevoditel' po russkoi literature* [Numbering from the Tail, Guide to Russian Literature], AST; Astrel', Moscow, Russia.
- Danilov, D. A. (2021), "*Chelovek iz Podol'ska*" i drugie p'esy ["The Man from Podolsk" and Other Plays], Gorodets, Moscow, Russia.
- Fateev, V. M., '*The City in the Law*', available at: <https://www.litmir.me/br/?b=281728&p=22> (Accessed 16 December 2024).
- Fotiev, N. I. (2002), *Moi put': lirika, stikhi dlia detei, basni, satiricheskie stikhi i miniatiury, uzelki* [My Path: Lyrics, Poems for Children, Fables, Satirical Poems and Miniatures, Knots], Dal'nevostochnyi gosudarstvennyi universitet, Blagoveshchensk, Russia.
- Garipov, A. A. (2020), *Nebesnoe koromyslo* [The Heavenly Rocker], Okhotnik, Magadan, Russia.
- Gropyanov, E. V. (2022), *Raznye raznosti* [Different differences], Novaia kniga, Petropavlovsk-Kamchatsky, Russia.
- Ikonnikova, E. A. (ed.) (2014), *Literatura Sakhalina i Kuril'skikh ostrovov* [Literature of Sakhalin and the Kuril Islands], Sakhalinskii gosudarstvennyi universitet, Yuzhno-Sakhalinsk, Russia.
- Ionin, L. G. (2000), *Sotsiologiya kul'tury: put' v novoe tysiacheletie* [Sociology of Culture: The Path to the New Millennium], Logos, Moscow, Russia.
- Ionin, L. G. (2014), *Parad men'shinstv* [Parade of minorities], Tsentr humanitarnykh initsiativ; Gnozis, Moscow; Saint Petersburg, Russia.
- Ivanova, N. B. (2022), '*When an era is buried*', *Znamia* [Banner], no. 4, available at: <https://magazines.gorky.media/znamia/2022/4/kogda-pogrebayut-epohu.html> (Accessed 28 January 2025).
- Katerinich, V. N. (2017), 'On the 70th Anniversary of Poet Viktor Erashchenko', *Dal'nii Vostok* [Far East], no. 2: 127—129.

- Katerinich, V. N. (2019), 'Double Portrait: On the Anniversaries of M. F. Aslamov and L. I. Milanich', *Dal'nii Vostok* [Far East], no. 5: 142—148.
- Kobenzov, A. I. (2008), *Odnazhdy doskazat'...: poslednie stikhotvoreniia* [Once to Finish Telling...: Last Poems], in Zakharian, S. and Sapronov, G (comps), Sapronov, Irkutsk; Rubezh, Vladivostok, Russia.
- Kovtun, N. V. (ed.) (2014), *Krizis literaturotsentrizma. Utrata identichnosti vs novye vozmozhnosti* [The Crisis of Literature-Centrism: Loss of Identity vs. New Opportunities], Flinta; Nauka, Moscow, Russia.
- Kuprienko, V. A. (2008), *Ragu iz mukhomorov: s miru po strochke* [Fly Agaric Stew: A Line from Everyone], bez izdatel'stva, Blagoveshchensk, Russia.
- Kuzmin, V. (1993), 'Anchor', *Dal'nii Vostok* [Far East], no. 6: 105.
- Levites, I. D. (2009), *Perekhodnyi vozrast: izbrannoe* [Age of Transition: Selected Works], Sakhalinskoe knizhnoe izdatel'stvo, Yuzhno-Sakhalinsk, Russia.
- Lobychev, A. M. (2007), *Na kraiu russkoi rechi: Stat'i, retsenzii, esse* [On the Edge of Russian Speech: Articles, Reviews, Essays], Rubezh, Vladivostok, Russia.
- Mamontov, E. A. (2014), *Bezumni militsioner & the early years* [The Mad Policeman & the Early Years], Niding.publ.UnLTd, Vladivostok, Russia.
- Nikitkin, P. M. (2015), *Russkii bereg: roman* [The Russian Shore: A Novel], 2nd ed., bez izdatel'stva, Blagoveshchensk, Russia.
- Partyka, K. A. (2017), 'Notes of a Rockstar in Uniform', available at: <http://www.proza.ru/2017/12/28/287> (Accessed on 5 February 2025).
- Pchelkin, A. A. (2000), *Nepogod': stikhi perestroichnykh let* [Bad Weather: Poems of the Perestroika Years], Magadanckaia oblastnaia tipografiia, Magadan, Russia.
- Petrosov, M. G. (2021), 'To the Members of the Union of Poets', available at: <https://stihi.ru/2021/06/05/4684?ysclid=m64qzhcjb2726625828> (Accessed on 20 January 2025).
- Pinkovskii, V. I. (2020), Preface to the book "November Sky", in Garipov, A. A., *Nebesnoe koromyslo* [The Heavenly rocker], Okhotnik, Magadan, Russia: 178—179.
- Polyakov, Yu. M. (2004) *Apofegei rossiiskogo masshtaba: Interv'iu raznykh let* [Apofegei of Russian scale: Interviews of different years], ROSMEN-PRESS, Moscow, Russia.
- Polyakov, Yu. M. (2020), *Zachem vy, mastera kul'tury? O russkoi literature i iskusstve* [Why You, Masters of Culture? On Russian Literature and Art], Knizhnyi mir, Moscow, Russia.
- Russkov, V. A. (1997), 'A Holy Cause', *Dal'nii Vostok* [Far East], no. 8—9: 120—121.
- Rytkeu, Yu. S. (2002), *Chukotskii anekdot* [Chukchi anecdote], Zvezda, Saint Petersburg, Russia.

- Safonova, A. A. (2020), *Khoroshaia devochka* [A Good Girl], Yuzhno-Sakhalinsk, Russia.
- Shepeta, I. I. (2011), *Obraz deistviia — obstoiatel'stva* [The Image of Action — Circumstances], Valentin, Vladivostok, Russia.
- Shepeta, I. I. *Stikhi kak opravdan'e zhizni: izbrannye stikhotvoreniia* [Poems as a Justification of Life: Selected Poems], Book 6, Izdatel'stvo Ivana Shepety, Vladivostok, Russia.
- Shepeta, I. I. (2022), *Ivan Ivanovich: rasskazy, esse, publitsistika, vospominaniia друзей* [Ivan Ivanovich: Stories, Essays, Journalism, Memories of Friends], Izdatel'stvo Ivana Shepety, Vladivostok, Russia.
- Shmidt, S. O. (2002), 'Monuments of fiction as a source of historical knowledge', *Otechestvennaia istoriia* [Russian History], no. 1: 40—49.
- Solomatov, V. I. (2001), *Izbrannoe* [Selected Works], Priz, Birobidzhan, Russia.
- The Outcast Poet Anatoly Bochinin, *Dlia tebia. Khristianskaia gazeta* [For You, The Christian Newspaper], available at: <http://www.foru.ru/slovo.10054.1.html> (Accessed 15 January 2025).
- Tobolyak, A. S., 'Money history', available at: <https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/387668-anatoliy-tobolyak-denezhnaya-istoriya.html#book> (Accessed 16 October 2024).
- Tobolyak, A. S. (1998), 'In All Seriousness...', *Dal'nii Vostok* [Far East], no. 2.
- Tytskikh, V. M. (1994), 'Voices of the Young', *Dal'nii Vostok* [Far East], no. 11: 55.
- Veshchunov, V. N. (2009), *Vstrecha s zhizn'iu: povesti i rasskazy* [Meeting with Life: Novellas and Stories], Diuma, Vladivostok, Russia.
- Volkova, E. S. (2023), 'Khabarovsk branch of the Union of writers of Russia during the period of market reforms of the 1990s (based on materials of the State archive of the Khabarovsk Territory)', *Izvestiia Vostochnogo instituta* [Oriental Institute Journal], no. 4: 79—90.

Статья поступила в редакцию 14.02.2025; одобрена после рецензирования 13.03.2025; принята к публикации 26.03.2025.

The article was submitted 14.02.2025; approved after reviewing 13.03.2025; accepted for publication 26.03.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Е. С. Волкова — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

E. S. Volkova — Candidate of Science (History), Senior Researcher of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far-Eastern Branch of the RAS.